

УДК 952.03

DOI 10.24412/1026-8804-2021-1-146-167

Карафуту в истории Японской колониальной империи

Жанна Михайловна Баженова,

кандидат исторических наук, учёный секретарь
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: bjannam@mail.ru

После окончания Второй мировой войны Япония отказалась от всех своих территориальных приобретений, включая Карафуту — части о. Сахалин южнее 50-й параллели, право на владение которой она получила по Портсмутскому мирному договору от 5 сентября 1905 г. В статье проанализированы особенности, выделяющие губернаторство Карафуту среди остальных колоний Японии. Показано, что японцы развернули хозяйственную деятельность на острове задолго до того, как он стал формальной колонией. Обладая сходным этнодемографическим профилем, Карафуту оказалась наиболее интегрированной в метрополию территорией, единственной, которая была включена в состав «собственно Японии» на правах префектуры. Как колонии-поселению миграционного типа, Карафуту удалось «привлечь» до 400 тыс. переселенцев; такие размеры и динамика развития японской общины сопоставимы с самыми большими и известными колониями-поселениями в мире. В своей переселенческой политике на Карафуту правительство Японии делало ставку на крестьян как на прочный базис формирования постоянного населения колонии. Однако в структуре местной экономики сельское хозяйство значительно уступало рыболовству, лесной и горнодобывающей промышленности. Несмотря на сезонный характер деятельности, предполагающий высокую миграционную подвижность, и отсутствие государственной поддержки, большую роль в заселении Карафуту сыграли рыбацкие семьи. Автор обращает внимание на сложный и противоречивый процесс формирования колониальной идентичности, сопряжённый с необходимостью примирить националистические требования лояльности «материнскому государству» с требованиями усиления чувства принадлежности новой родине.

Ключевые слова: Японская колониальная империя, Карафуту, колония-поселение, миграции, Карафуту-тё, сельское хозяйство, рыболовство, колониальная идентичность.

Karafuto in the History of the Japanese Colonial Empire.

Zhanna Bazhenova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: bjannam@mail.ru.

After the end of World War II, Japan renounced all of its territorial acquisitions, including Karafuto — a part of Sakhalin Island south of the 50th parallel, the right to possession of which it received under the Portsmouth Peace Treaty of September 5, 1905. The paper analyzes the main features that distinguished Karafuto from the other colonies of Japan. The author indicates that the Japanese launched economical activities on the island long before it became the formal colony of Japan. With a similar ethno-demographic profile, Karafuto was the most integrated territory with the metropolis, the only external territory that was included in “proper Japan” as a native prefecture. The size of the settler community in Karafuto, which consisted of over 400,000 settlers, and the speed of its growth are comparable to some of the largest and most well-known settler colonies in the world. The Japanese government was insistent that agriculture and farmers provided the most solid basis for the formation of the permanent population of the colony. However, agriculture was significantly inferior to fishing, forestry and mining industry in the structure of the colonial economy. Despite the seasonal nature of the fishing, which meant high migration mobility and the lack of government support, fishing families played an important role in the settlement of Karafuto. The author reveals the complex and contradictory process of identity formation amongst various groups of Japanese colonizers who struggled to reconcile the nationalist demands of loyalty to the “mother country” with the demands of creating a sense of belonging to their new homeland.

Keywords: the Japanese colonial empire, Karafuto, settler colony, migrations, Karafuto-cho, agriculture, fishery, colonial identity.

Вторая мировая война положила начало распаду мировой колониальной системы, активной участницей которой выступала Япония. Как проигравшая сторона, в соответствии с Сан-Францисским мирным договором, подписанным 8 сентября 1951 г., она отказалась от всех своих колониальных приобретений, включая Курилы, южную часть Сахалина (Карафуту) и прилегающие к нему острова. Карафуту стал второй формальной колонией Японского государства после Формозы (Тайваня), который вместе с Пескадорскими о-вами (Пэнхуледао) уступил ей Китай, потерпевший поражение в Японо-китайской войне 1894—1895 гг. К формальным колониальным владениям Японской империи принято также относить Квантунскую область, арендованную сначала у Китая (1905—1932), а затем у Маньчжоу-го (1932—1945); Корею, аннексированную в 1910 г.; Наньё (Южный Тихоокеанский мандат), переданный под управление Японии Лигой Наций после поражения Германии в Первой мировой войне.

Особенности формирования и функционирования японской колониальной системы неоднократно становились предметом исследования

российских учёных. Однако в фокусе их внимания оказываются в основном Тайвань, Корея и Маньчжурия, тогда как Карафуто занимает более скромное место в отечественной историографии. Одной из самых значительных работ по истории «японского периода» Южного Сахалина, написанной с использованием японских источников, до настоящего времени остаётся диссертация Ли Бен Дю, защищённая им в Институте востоковедения АН СССР в 1976 г. [9]. Нельзя также не отметить работу известного американского учёного Д. Стефана «Сахалин. История», введённую в отечественный научный оборот В.В. Переславцевым [15; 16; 17]. Исследования отечественных специалистов сосредоточены преимущественно на изучении различных аспектов существования Карафуто, либо фрагментарно вписаны в обобщённые исторические обзоры Сахалина и Курильских островов [1; 2; 4; 5; 6]. Благодаря работам сахалинских учёных наиболее освещёнными оказались проблемы истории сахалинских корейцев [3; 7; 8], первых послевоенных лет [13], репатриации японского населения [12]. Стоит отметить коллективную монографию с участием российских и зарубежных авторов, на страницах которой разные аспекты истории Карафуто рассматриваются с точки зрения фронта [30]. Как справедливо отмечает известный сахалинский историк Ю.И. Дин, особую значимость для изучения истории Карафуто имеют источники, в том числе хранящиеся в ГИАССО оригинальные японские документы, захваченные Красной армией в августе 1945 г., в полной мере не введённые в научный оборот [11, с. 6]. В определённой степени восполнить этот пробел призвана публикация (с научно-справочным аппаратом) данных Переписи населения Японской империи по губернаторству Карафуто 1920 г., ставшая ценным источником для изучения «японского» периода Южного Сахалина [11].

Слабый интерес отечественных исследователей Японской колониальной империи к опыту Карафуто отчасти объясняется тем, что этнический профиль его населения был представлен преимущественно японцами, поэтому Карафуто слабо подходил для реализации главной темы исследования колониализма — дихотомии «колонизатор — колонизируемый» и связанных с ней проблем колониального управления, подчинения, дискриминации и ассимиляции. Кроме того, как колония-поселение миграционного типа¹ Карафуто «выпадал» из дискуссий, основанных на теории о вывозе империями избыточного капитала в колонии для эксплуатации их природных и людских ресурсов. Тем не менее его опыт заслуживает пристального внимания по целому ряду причин. Во-первых, японское присутствие на Южном Сахалине фиксируется задолго до того, как данная область стала формальной колонией Японии. По сравнению с другими колониями Карафуто выделяется наибольшей степенью интеграции с метрополией, как с точки зрения административной и правовой систем,

¹ Тайвань, Корея и Маньчжурия относились к инвестиционно-эксплуатационному типу колоний.

так и экономически: почти весь экспорт и импорт, за небольшим исключением, составлял обмен с «основной территорией». Карафуто стала единственной внешней территорией (*гайту*), которая была включена в состав «собственно» Японии (*найти*), и, по словам Д. Стефана, «превратилась из колонии в неотъемлемую часть отечества» [15, с. 54]. Во-вторых, Карафуто как колония-поселение сумела «привлечь» до 400 тыс. переселенцев. Ни в какой другой японской колонии (за исключением Кореи) не было такой же большой японской общины, её размеры и динамика развития являются впечатляющими в истории миграций, и они вполне сопоставимы с самыми большими и известными колониями-поселениями в мире. И, в-третьих, несомненный интерес представляет изучение сложного и противоречивого процесса формирования идентичности среди различных групп колонистов, особенно среди тех, кто родился и вырос на Карафуто. Выявление роли Карафуто в истории Японской колониальной империи, а также особенностей, выделяющих её в системе колоний Японии, ставится целью данной работы.

Япония включилась в процесс колониального раздела мира довольно поздно — к концу XIX в., совершив грандиозный экономический и технологический рывок, создав армию и построив флот, пригодные не только для защиты метрополии, но и для наступательных операций. Одной из причин позднего появления Японской империи на мировой сцене считается режим самоизоляции (*сакоку*), из-за которого страна в течение «двух с половиной веков оставалась пассивным наблюдателем завоеваний Запада в Азии и Западной Пасифике» [цит. по: 29, р. 7]. Действительно, встать на путь ускоренной модернизации Японию во многом заставила угроза потери национального суверенитета после подписания неравноправных договоров с рядом западных держав, однако рассматривать её в качестве «пассивного наблюдателя» было бы не совсем верно. Ещё в 1983 г. японский историк Ясунори Арано предложил заменить термин *сакоку* на определение *кайкин-каи-тицудзё* — «режим морских ограничений», отмечая довольно активные связи Японии с внешним миром в эпоху Эдо. Кроме Нагасаки, где существовала голландская фактория и китайский квартал, через Цусиму княжество Соси от имени сёгуна отправляло посольства в Корею, которая, в свою очередь, направляла «посольства доброй воли» в Японию; Королевство Рюкю, находившееся в вассальной зависимости от клана Сацума и Китая, организовывало даннические миссии в Китай и Эдо; наконец, на севере клан Мацумаэ был активным участником торговли с айнами и сантанами, которая осуществлялась через Эдзо [18].

В 1936 г. правительство Карафуто (*Карафуто-тё*) выпустило двухтомную историю «*Карафуто-тё Сисэй Сандзюнэнси*», приуроченную к 30-летию юбилею гражданской администрации колонии. В первой главе начального раздела «*Сандзюнэнси*», посвящённого историческому обзору Карафуто до 1905 г., утверждается, что в Японии впервые возникло

представление о Сахалине примерно в 17-м году эры Буммэй (1485—1486) [20, р. 15]. Хотя достоверность приведённых в доказательство старинных текстов и карт вызывает сомнения, приходится констатировать, что интерес к этому острову Япония начала проявлять довольно рано. В 1635 г. обосновавшийся на юге Хоккайдо самурайский клан Мацумаэ отправил двух своих вассалов в северные земли с целью их изучения. Переправившись через пролив Соя (Лаперуза), японцы высадились в селении Усямацу на мысе Крильон, однако нехватка продуктов заставила их вскоре вернуться обратно на Хоккайдо. В следующем году вторая экспедиция добралась до оз. Невское и пробыла там год. В 1679 г. самураи клана Мацумаэ поставили в Кусюнкотан (г. Корсаков) пост, просуществовавший до начала 1680-х гг., а в 1684 г. был основан пост на мысе Соя [14, с. 175]. Большой интерес клан проявлял и к возможностям рыболовства на юге Сахалина, в 1679 г. там были основаны сезонные рыбачьи поселения [15, с. 78]. В местечке Сирануси осуществлялась меновая торговля айнов с сантанами. С 1689 г. китайские товары (особенно шёлковая парча, стеклянные бусы и металлические украшения) через сантан и нивхов стали попадать в Эдзо, айны их выменивали на меха, которые у тех позднее скупали японцы. Цветные бусы включались в набор подарков, ежегодно преподносимых князьями Мацумаэ сёгунам. Поскольку клан неохотно делился сведениями о сантан-торговле с правительственными чиновниками, сёгунат организовал собственные экспедиции на Сахалин (1785—1786), позволившие выяснить реальные пути проникновения шёлка и бус в Японию, а также о роли в этом айнов. Вскоре главе клана последовал приказ взять сахалинскую торговлю под свой контроль и торговать по специальному мандату. В 1790 г. в Сирануси японцами были построены первые сооружения торговой фактории — склады для товаров, контора по сбору налогов, охранный пост. Фактория быстро стала важным центром экономической жизни Сахалина. А уже в 1791 г. в Сирануси и селениях Тоннай (современная территория г. Невельск) с севера появились русские, заявившие, что у них имеются товары для торговли [14, с. 176—177].

Экспансия России в регионе, особенно печально известный «инцидент Хвостова — Давыдова»², показали, что тех незначительных сил, которыми располагали князья Мацумаэ, недостаточно для защиты от внешней угрозы. В 1808 г. бакуфу принимает решение отобрать у клана земли Эдзо, куда японцы помимо Хоккайдо относили также Курилы и Южный Сахалин, и принять их под своё непосредственное управление [5, с. 334]. В том же году оно отправило очередную экспедицию для исследования географии Сахалина, в том числе и его северных районов. В ходе своих

² В октябре 1806 г. — июне 1807 г. лейтенант Н.А. Хвостов и мичман Г.И. Давыдов из посольства Н.П. Резанова совершили ряд нападений на японскую факторию и сторожевые посты в Кусюнкотан, на о. Итуруп, у северо-западной оконечности Хоккайдо, захватив в плен несколько японцев.

путешествий (1808—1809) правительственным чиновникам Мамя Риндзо и Мацуда Дэндзиро удалось доказать островное положение Сахалина — за 40 лет до Г. Невельского.

После того как первый японо-русский конфликт закончился в 1813 г. освобождением из японского плена российского капитана В.М. Головнина, Япония значительно снизила свою активность на Сахалине, вплоть до середины 1850-х гг. ограничившись деятельностью частных купцов и рыбопромышленников. Необходимо отметить, что к этому времени японцам удалось подчинить проживавших на юге Сахалина айнов, причём не военным путём, а посредством расширения рыболовных промыслов, на которых в сезон работало почти всё трудоспособное айновское население. По сведениям лейтенанта Н.В. Рудановского, проводившего исследования на Южном Сахалине после учреждения здесь в 1853 г. Муравьёвского поста, в 1854 г. японцы занимали 44 пункта, в основном на юго-западном побережье и в заливе Анива [5, с. 353].

Вопрос о принадлежности Сахалина, оставшийся открытым после подписания Симодского трактата 7 февраля 1855 г., удалось решить в 1875 г., когда в Санкт-Петербурге был подписан договор, по условиям которого Япония отказывалась от прав на остров в обмен на передачу ей группы островов Курильской гряды. Согласно договору, японским подданным предоставлялось право свободного судоходства и торговли без торговых и таможенных сборов в портах Дальнего Востока, а также право рыболовства в российских водах. Не встречая конкуренции со стороны малочисленного русского населения, Япония могла развивать на Сахалине промышленное рыболовство, минуя издержки прямого администрирования. Так, например, в 1903 г. на острове насчитывалось 30 японских рыболовных компаний и 99 рыбохозяйств, в которых работали 3931 чел. Ещё 35 рыбохозяйств, где трудились 3351 японских рыбаков, были учреждены под русскими именами [27, р. 48]. Права и привилегии, полученные Японией на Сахалине, позволили ей укрепить свои позиции на острове, что облегчило его захват во время Русско-японской войны.

7 июля 1905 г. 13-ая японская пехотная дивизия высадилась в Мерей, небольшом поселении в 20 км от порта Корсаков, а уже 1 августа было объявлено об учреждении военного японского правительства. Русско-японскую войну часто характеризуют как последнюю «джентльменскую» войну в истории человечества, когда обе стороны в целом гуманно относились к военнопленным. Однако японский историк Аmano Наоки отмечает на Сахалине массовые случаи расстрелов русских солдат из числа добровольцев и гражданского населения. Причину он видит в том, что японцы «старались сделать остров „необитаемым“, чтобы безопасно управлять оккупированной территорией» [19, р. 127]. Как бы то ни было, Япония приняла активное участие в репатриации русского населения с острова, взяв на себя финансовые обязательства по организации переезда каторжников,

крестьян и бывших ссыльнопоселенцев. С конца августа до начала сентября в залив де Кастри было доставлено 3962 чел. с Южного Сахалина и 2758 чел. — с Северного. В результате в декабре 1905 г. в северной части острова проживали 5487 чел. (за исключением аборигенного населения), и только 500 русских оставались на юге, причём больше половины из них уехали уже в 1906 г. [19, р. 128].

Ещё до того, как права Японии на Южный Сахалин были подтверждены подписанным в Портсмуте 5 сентября 1905 г. мирным договором, стало ясно, что она намерена сохранить здесь свои завоевания. 16 августа 1905 г. из порта Отару (о. Хоккайдо) на Карафуто уже отправился первый пассажирский корабль, везущий переселенцев. 28 августа была учреждена временная гражданская администрация, а 15 марта 1907 г. Императорским указом № 33 основано *Карафуто-тё* — Управление по делам Карафуто. В начале оно располагалось в О:домари (г. Корсаков), но в 1908 г. переехало в Тоёхара³. Колониальную администрацию возглавил губернатор (*тё:кан*), который был ответственен за развитие колонии и осуществлял контроль над судебными органами, почтой, телеграфом, таможенной, банковской сферой и налогообложением. В периоды 1907—1910 и 1912—1917 гг. губернатор подчинялся непосредственно министру внутренних дел; в 1910—1912 и 1917—1929 гг. он отчитывался перед премьер-министром, а в 1929—1934 гг. — перед министром по делам колоний [21, р. 116]. В отличие от Тайваня, Кореи и Квантуна, которыми управляли генерал-губернаторы, наделённые широкими полномочиями вплоть до законодательных, губернатор Карафуто не имел права издавать законы, законодательство в колонии устанавливалось Императорскими указами. Губернаторы выбирались из бюрократии более низкого ранга (*тё:кунин*, в отличие от *синъ-ин*, назначавшихся в Тайвань или Корею), и от них не требовалось быть действующим офицером вооружённых сил. Технически это ставило их на один уровень с префектуральными губернаторами *найти*, однако колониальной администрации была дана более широкая автономия в области управления инфраструктурой и промышленного развития. Кроме того, в 1907 г. был утверждён бюджет Карафуто, отдельный от общего бюджета *найти*. Помимо административных расходов, из него финансировались такие отрасли, как строительство, железные дороги, связь, освоение земель и организация поселений [28, р. 104]. Одновременно с учреждением губернаторства были основаны окружные и уездные управы. Под началом губернатора находилось три главных департамента: внутренних дел, сельского хозяйства и полиция. Хотя подразделения департаментов размещались в пяти округах Карафуто, они в основном отчитывались перед

³ В настоящее время — г. Южно-Сахалинск. Строительство города было начато сразу после войны близ русского села Владимировка, расположенного на обширной плодородной равнине, которую планировалось превратить в сельскохозяйственный центр Карафуто.

главным управлением в Тоёхара. Главы окружных и уездных управ могли выписывать постановления для своих подчинённых от имени и с одобрения губернатора, который также имел право делегировать им свои административные функции. Таким образом, административно-территориальное образование Карафуто не обладало достаточно высокой степенью автономности, как колонии Тайвань и Корея, но было гораздо более автономным и централизованным, чем любая префектура в Японии.

Однако на Карафуто, в отличие от японских префектур, не существовало законодательных собраний в округах, отсутствовал и местный парламент. Лишь в апреле 1937 г. был основан Губернаторский совет, который оказывал влияние на административную политику, осуществляя совещательные функции при губернаторе. Последний стал председателем Совета, а глава управления внутренних дел Карафуто — вице-председателем. Члены Совета выбирались из интеллигенции — представителей местных собраний городов и сёл, богатых торговцев и промышленников, видных общественных деятелей. Совет продолжал работать и после включения колонии в состав *найти* в 1943 г., просуществовав вплоть до окончания войны. Тем не менее сильного местного парламента на Карафуто так и не сложилось [11, с. 10].

Несмотря на то, что на всём протяжении истории колонии более 90% её населения составляли этнические японцы, жители Карафуто не могли иметь своих представителей в парламенте Японии, так как на них не распространялось действие японской Конституции и Закона об избирательном праве. Борьбу за имплементацию закона островитяне начали в 1926 г., подав соответствующую петицию в японский парламент и правительство. Однако правительственные чиновники, в целом положительно восприняв эту идею, не спешили с её воплощением, поскольку опасались возникновения соответствующих настроений в Корее и на Тайване [28, р. 106]. Выходом из ситуации могло стать решение о включении Карафуто в состав *найти*. Большинство японских поселенцев приветствовало эту возможность в долгосрочной перспективе, однако угроза лишения в данном случае колониального статуса и специального бюджета привела к столкновению между различными группами интересов Карафуто. Часть представителей регионов, например, О:домари, выражали недовольство распределением Карафуто-тё контрактов на общественные работы, когда предпочтение отдавалось предприятиям и фирмам Тоёхара, и полагали, что слияние с *найти* и распространение избирательного права положит конец политической монополии Тоёхара, а также усилит местную автономию. В конечном итоге после официального вхождения в состав японской метрополии (Императорский указ № 196 от 26 марта 1943 г.) и реформирования административной системы на Карафуто сохранялся отдельный бюджет, а имплементация Закона об избирательном праве была осуществлена лишь в апреле 1945 г.

С момента образования колонии основной задачей её администрации стало формирование постоянного населения. Достижение этой цели предполагалось за счёт создания устойчивых сельскохозяйственных общин, при этом почти полностью игнорировалась возможность заселения и развития колонии на основе развития мелкомасштабного рыболовства, хотя именно оно имело наиболее давние хозяйственные традиции на острове и приносило самый высокий доход в первые годы существования колонии. Защитники сельскохозяйственного освоения Карафуто составляли большинство в колониальной администрации, и её глава (с июня 1908 г. по июнь 1914 г.) Хираока Дзётаро был среди самых горячих сторонников этой идеи. Он считал, что «важно поощрять приезжать в колонию как можно больше людей, но нельзя это приравнять к колонизации... Все они (рыбаки. — Ж.Б.) получают быстрые деньги на своих лодках, которые в результате попадают в руки мелких торговцев, таких как цирюльники и владельцы баров... суть колонизации и развития не в том, чтобы делать шальные деньги... реальные колонизация и развитие берут начало в сельском хозяйстве» [23, р. 65]. Объявляя своей главной целью по заселению колонии переселение фермеров, он заявлял о выделении 300 000 тё⁴ земли, что из расчёта 7,5 тё на семью позволит поддержать 17—18 тыс. домохозяйств [23, р. 65]. Солидарность в данном вопросе высказывали и учёные. Профессор Университета Хоккайдо и советник администрации Карафуто Накадзима Кё:таро в одной из публикаций изложил свой взгляд на проблему колониального развития Карафуто. По его мнению, фермеры, в отличие от рыбаков, не имели склонности переезжать с места на место; более того, он утверждал, что «рыболовство и лесная промышленность — очень примитивные отрасли, основанные единственно на извлечении природных ресурсов, и поэтому они не могут обеспечить благосостояния Карафуто в долгосрочной перспективе. Вот почему мы должны смотреть на земледелие и животноводство как на главный фундамент экономики на острове» [цит. по: 23, р. 166].

Переселение крестьян также должно было способствовать снижению демографической нагрузки на перенаселённые сельские районы метрополии. Система майората, бытовавшая в Японии, практически не оставляла возможности младшим сыновьям стать владельцами земли, но такой шанс они получали на Карафуто. Вырваться из нищеты и из арендаторов превратиться в землевладельцев в колонии могли и японские крестьяне, вынужденные арендовать землю на родине на кабальных условиях. Подобные призывы помочь своей стране в решении её проблем вкупе с апелляцией к индивидуальному стремлению достичь материального благополучия содержались в агитационных материалах, рассказывающих о потенциале Карафуто как сельскохозяйственной колонии, которые составила к началу

⁴ 1 тё — около 0,992 га.

1906 г. только что созданная колониальная администрация и которые распространялись по всей Японии. В апреле 1907 г. были изданы «правила об аренде государственных земель», гарантировавшие получение участка для постройки жилища площадью 1000 цубо⁵, для занятий земледелием — 3000 цубо и под пастбища — 50 000 цубо [9, с. 25]. Общая площадь земельного надела составляла около 27 га; к весне 1908 г. было отведено 21 тыс. га земли, пригодной для обработки, и более 18 тыс. га — для пастбищ [1, с. 161]. При условии обработки 60—70% выделенной земли по прошествии трёх-пяти лет участок передавался в собственность без выплаты ренты. Этот пункт программы переселения оставался неизменным во всё время существования колонии. Другие меры поддержки фермеров включали предоставление семян, удобрений, сельскохозяйственных инструментов либо на безвозмездной основе, либо по льготным тарифам. Выдавалась также субсидия на строительство дома. Компенсировались и транспортные расходы, чаще всего посредством льготных талонов на проезд на судне или по железной дороге. Статья в одном из номеров газеты «*Карафуту нити-нити симбун*» за декабрь 1913 г. сообщала, что 17 железнодорожных и 19 судовых компаний принимают эти талоны, выдавая вместо них билет за цену в два раза ниже обычного тарифа. Транспортировка внутри колонии для переселяющихся фермеров, начиная от их высадки в порту и до прибытия в новый дом, была бесплатной при наличии у них соответствующих документов. Транспортные субсидии позволяли добраться из порта Фусики в префектуре Тояма до Карафуту за 2,50 йен, из более далёкой Ёкогамы — за 2,88, а из Нагоя — за 3,78, что составляло двух-трёхдневный заработок обычного рабочего на Карафуту в 1913 г. [23, р. 173].

В середине 1920-х гг. в переселенческой программе произошли серьёзные изменения. Первоначальная политика неограниченной миграции, позволявшая людям самим принимать решение, где поселиться, сменилась более активным вмешательством властей колонии в процесс отбора переселенцев и мест для их расселения. Колониальное правительство стало создавать для этого специально отведённые районы, а также ограничивать число поселенцев, которым выдавались субсидии и оказывалась другая поддержка. Начиная с 1930-х гг. приоритет отдавали большим группам переселенцев, а не отдельным семьям. Но фермеры оставались единственными в переселенческой программе, кому оказывалась официальная государственная поддержка, — как финансовая, так и иного рода. Анализ бюджетного распределения показывает, что основные фонды направлялись на инфраструктурные проекты, способствовавшие развитию всех отраслей экономики колонии, вместе с тем значительная доля (20,5% всех средств) шла на развитие сельскохозяйственного сектора, включая ассигнования на мелиорацию земель, ирригационные работы, субсидирование

⁵ Цубо = 3,3058 кв. м.

прибывающих фермеров, продвижение сельхозпродукции и поддержку аграрных исследований. Для сравнения, на развитие рыболовства выделялось всего лишь 4,8% бюджетных средств [23, р. 169].

Приблизительно с 1910 г. можно описать динамику прибытия сельских поселенцев на Карафуто, которая отражает значительные колебания от года к году. Так, например, в 1909 г. количество прибывших семей было самым маленьким — 102, а пик переселения приходится на 1924 г. — 2479 семей [23, р. 177]. Несмотря на усилия и надежды властей, сельское хозяйство так и не стало ключевой отраслью экономики Карафуто. Хотя ряд макроиндикаторов указывает на определённый успех сельскохозяйственного освоения колонии, доля данного сектора никогда не превышала 5% совокупного дохода её экономики. Даже среди наиболее успешных фермерских хозяйств широко практиковалось отходничество, что отчасти можно объяснить коротким сельскохозяйственным сезоном, однако и в самый его разгар фермеры искали дополнительные источники дохода. Это позволяло покупать импортный рис, который по-прежнему оставался основным продуктом питания у японцев Карафуто, и минимизировать риски, связанные с плохим урожаем или колебанием рыночных цен.

В первые годы существования Карафуто ключевую роль в экономике колонии играло рыболовство. К 1905 г. несколько средних и крупных японских компаний имели устойчивые позиции в рыболовной отрасли острова. Только такого рода компании могли эффективно работать на российском Сахалине с учётом рисков и возможностей привлечь, перевезти, снабдить необходимыми орудиями и поддерживать большое количество сезонных рабочих, а также обеспечить процесс добычи, доставки и продажи улова. На эти компании делали ставку местные власти, видя в них источник стабильных налоговых поступлений. В августе 1905 г., когда на территории колонии ещё действовало военное правительство, было издано Распоряжение об управлении рыбной отраслью Карафуто, которое стало основой для дальнейшего регулирования её деятельности. Документ подтверждал права японцев, занимавшихся рыболовством в 1875—1905 гг. самостоятельно либо от лица российских компаний. Права на остальные участки, в основном те, которые оставили российские подданные с началом японской оккупации, выставили на торги. Экономический эффект был незамедлительным: доходы от продажи лицензий рыболовным компаниям достигли в 1907 г. 848 274 йен — 81% текущего бюджета Карафуто [22, р. 151]. Согласно указанному документу, вылов сельди, лосося и форели мог осуществляться только с помощью ставных неводов⁶. Отдельное распоряжение устанавливало систему лицензирования вылова трески, краба, камбалы, ламинарии и других даров моря, в целом отнесённых к категории «разнообразные морепродукты». Правительство разрешало использовать

⁶ Основное орудие лова средних и крупных рыболовецких компаний.

некоторые виды сетей для добычи «морепродуктов», однако обяеивающие сети, необходимые для мелкомасштабного вылова сельди, не были включены в список. Таким образом, для индивидуальных рыбацких семей доступ к главному и наиболее экономически рентабельному виду рыб оказался закрыт⁷. Как указывалось выше, правительство не верило в потенциал рыбацких семей создать постоянные поселения и не оказывало им никакой помощи в переселении, хотя и не чинило препятствий, поскольку нуждалось в доходах от продажи лицензий. Солидарные с ним крупные рыболовецкие операторы полагали, что массовый наплыв рыбаков, использующих обяеивающие сети, нанесёт вред экологии острова и приведёт к снижению объёмов добычи. Тем не менее рыбацкие семьи прибывали на Карафуто в большом количестве, начиная с марта 1906 г. К 1910 г. население колонии выросло до 28 688 чел. (с 1990 чел. в 1905 г.), и 24,9% всех домохозяйств составляли рыбаки (за ними следовали фермеры — 19,2%; промышленные рабочие — 18,8%, и торговцы — 17%) [22, р. 152]. С самого начала рыбаки включились в борьбу за отмену распоряжения об «одной сети»: образовывали ассоциации и подавали петиции как в колониальное, так и в центральное правительство, доказывая, что они также могут стать не сезонными мигрантами, а постоянными жителями колонии. В мае 1908 г. возглавивший правительство Карафуто бывший губернатор Фукусимы Хираока Садатаро приказал организовать 39 рыболовных участков, на которых могли осуществлять свою деятельность 20 региональных кооперативов из числа рыбацких семей; кооперативы получали возможность брать в аренду участки у компаний и распределять доходы между своими членами как дивиденды. По его мнению, это было обоюдоевыгодное решение проблемы, позволявшее не нарушать принцип «одной сети» и дававшее местным жителям косвенным образом иметь выгоду от ловли сельди, лосося и форели [22, р. 158]. Недовольные данным распоряжением рыбаки смогли добиться справедливости только в 1915 г., когда новый губернатор Окада Бундзи инициировал внесение поправок в Закон о рыболовстве на Карафуто, разрешающих использование обяеивающих сетей на участках, принадлежащих кооперативам. Эти поправки не означали полной либерализации процесса вылова сельди, однако губернатор приложил немало усилий для распространения системы кооперативов, увеличивая их число, а также количество подконтрольных им рыболовных участков. К 1921 г. кооперативы владели 61 участком, выкупленными у компаний рядом со своими поселениями; в 1929 г. было разрешено увеличить их количество до 82, а в 1933 г. — до 86 [22, р. 166]. В 1926 г. правительство внесло очередные изменения в закон, позволив кооперативам использовать маленькие ставные неводы.

⁷ Из сельди делали тук (рыбную муку) — ценное удобрение, которое шло на экспорт и использовалось на рисовых полях по всей Японии.

К 1926 г. 122 из 427 (29%) средних и крупных рыболовных компаний принадлежали резидентам Карафуто. Стоит отметить, что рыболовство внесло не только огромный вклад в экономику колонии (особенно на раннем этапе), но и послужило базисом для её долгосрочного заселения. Действительно, сезонность работы обуславливала высокую мобильность рыбаков, но она же позволяла ближе познакомиться с условиями проживания и климатом в колонии, а следовательно, уменьшить возможные риски и снять психологические барьеры в вопросе принятия решения о переселении для проживания на постоянной основе. Массовое привлечение сезонных рабочих также способствовало более широкому распространению информации о Карафуто. По мнению английского исследователя Стивена Ивингса, рыбацкие поселения демонстрировали не меньшую степень «оседлости», чем сельскохозяйственные. Обустройство дома, лодочного ангара, верфи, склада, станции для переработки рыбы и морепродуктов требовало значительных материальных вложений, и представляется маловероятным, что рыбаки могут сняться с места после первого же неудачного улова [23, р. 223]. Автор отмечает, что именно после внесения поправок в Закон о рыболовстве, разрешающих деятельность мелких операторов, среди рыбаков появилась устойчивая тенденция к долгосрочному заселению колонии. С началом действия на Карафуто в 1924 г. Закона о семейной регистрации (*косэкихо*) стало возможным перевезти на остров семейные реестры. По данным переписи 1930 г., процент жителей фермерских поселений, которые перевезли свои посемейные книги на Карафуто, находился в пределах от 15,4 до 32,6%, в то время как в рыбацких деревнях этот показатель составлял от 25,5 до 43% [23, р. 281]. Таким образом, можно констатировать весомую роль рыболовецких общин в формировании постоянного населения колонии.

К 1920-м гг. рыболовство в структуре колониальной экономики уступило лесной промышленности и целлюлозно-бумажному производству. Первая мировая война, поставившая под угрозу импорт в Японию пиломатериалов и целлюлозы, подтолкнула эти отрасли к стремительному развитию. С момента строительства в Томариори и Одомари первых целлюлозно-бумажных заводов (1913 и 1914 гг.) количество фабрик начало быстро увеличиваться, и в 1930—1940-х гг. они на 70% удовлетворяли нужды Японии в целлюлозе и бумаге. Часть переработанной древесины отправлялась в метрополию в качестве пиломатериалов для строительства. С 1922 по 1934 г. колония лидировала на рынке поставщиков пиломатериалов в Японской империи; согласно распространённому мнению, именно она обеспечила Токио стройматериалами для восстановления после великого землетрясения Канто и бумагой для интеллектуальной революции Тайсё.

В 1930-х гг. отмечается бурный рост горнодобывающей промышленности, «потеснившей» рыболовство и ставшей второй самой крупной

отраслью экономики Карафуту. Несмотря на наличие больших залежей высококачественного угля, первоначально колония была почти чистым импортёром этого ресурса из-за проблем с его добычей и отсутствия надлежащей транспортной инфраструктуры. Первая шахта открылась в Каваками в 1914 г. и управлялась «Мицуи майнинг», а в 1920 г. ещё одну шахту открыл конкурент «Мицуи» — «Мицубиси майнинг». Развитие тяжёлой промышленности в Японии и постепенное вовлечение страны в военные действия резко повысило спрос на уголь, что привело к открытию нескольких новых шахт в течение следующего десятилетия. В 1930-х гг. Карафуту стала крупным экспортёром угля, на долю которого в 1941 г. приходилось до 9% всего объёма, добываемого в Японской империи.

Лесная, горнодобывающая и целлюлозно-бумажная отрасли привлекли в колонию инвестиции японских *дзайбацу*. Так, в конгломерат «Мицуи», кроме упомянутой «Мицуи майнинг», входила Ōji Paper and Pulp Company, которой после многолетней конкурентной борьбы удалось в 1933 г. «поглотить» две частные фирмы Fuji Paper and Pulp Company и Karafuto industries⁸. В 1939 г. японские инвестиции в экономику Карафуту исчислялись 0,7 млрд йен и составляли около 5% всех внешних активов Японии, а к 1945 г. они выросли до 0,8 млрд йен [1, с. 162].

С проникновением крупного капитала в промышленность и транспорт с 1920-х гг. население колонии начало расти быстрыми темпами, достигнув в 1925 г. 190 тыс. чел.; к 1940 г. оно увеличилось чуть более чем в 2 раза, а в 1945 г. — в 2,3 раза [6, с. 26]. Хотя колонисты всегда отличались высокой мобильностью, многие из них связали с островом свои судьбы: об этом свидетельствует тот факт, что к 1936 г. около 1/3 населения Карафуту перевезло сюда свои семейные книги [20, р. 5]. Начали выкристаллизовываться определённые формы отличительной колониальной идентичности. Немалую лепту в политику её создания внесло Карафуту-тё, перед которым стояла непростая, типичная для колониальных правительств задача — примирить националистические требования лояльности «материнскому государству» с необходимостью формирования чувства принадлежности новой родине. Попытка решить эту проблему отчётливо просматривается в юбилейном издании *«Карафуту-тё Сисэй Сандзюэнси»* (1936). Утверждая, что первые контакты между Японией и Сахалином относятся к 1486 г., за столетие до образования клана Мацумаэ, правительство Карафуту стремилось продемонстрировать, что остров находится в орбите притяжения Японии так же, как и Хоккайдо, а следовательно, является её неотъемлемой частью. Весомым аргументом «японскости» Карафуту должна была стать её связь с ядром Японской империи — императорским домом, в связи с чем в предисловии к *«Сандзюэнси»* губернатор Иamura Такэси не случайно подробно обращается к событиям 11-летней давности, а именно визиту в колонию кронпринца, будущего

⁸ После этого слияния Карафуту стали часто называть «остров О:дзи».

императора Хирохито. Об исключительной важности этого эпизода свидетельствует целый посвящённый ему раздел в конце издания с детальным описанием маршрута принца, мест посещения, каждого аспекта путешествия, снабжённый множеством фотографий [20, р. 12].

Столица губернаторства — г. Тоёхара — не только воплощала лучшие принципы городского строительства того времени, но и тщательно выстраивалась вокруг символов имперской власти. Основные административные здания, в том числе и правительственная резиденция, а также почта выходили фасадами на главную улицу *Дзиндзя до:ри*, тянувшуюся прямо на восток к храму *Карафутто дзиндзя*, который был завершён в 1911 г. Он стал одним из *67 кампэйтэйся* — Императорских храмов 1-го ранга в Японской империи. В центральном зале хранился меч в белых ножнах, преподнесённый в дар императором Мэйдзи как священное сокровище по случаю церемонии посвящения, а весь комплекс был создан в честь трёх богов синтоистского пантеона: *Окунитамано микото*, *Онамути-но микото*, *Сукутайкона-но микото* [24, р. 104]. Являясь центром патриотического благочестия, храм также представлял собой важную туристическую достопримечательность и мемориал новым героям формирующейся колониальной мифологии. К концу 1930-х гг. в роще, примыкающей к храмовому саду, располагалась впечатляющая аллея памятников развивающегося нарратива колонизации: оружие, захваченное во время Русско-японской войны, памятник айну Мацуносукэ, который застрелил семь русских, защищая собственность хозяина, и памятник погибшим при строительстве дороги Тоёхара — Маока.

Одним из самых влиятельных образов Карафутто стало представление о колонии как о фронтальном регионе, причём она рассматривалась в качестве фронта в обоих смыслах этого слова: как зона, граничащая с иностранным и потенциально враждебным государством (Советским Союзом), бастион на самой северной границе империи, и как передний край японской экспансии в «неразвитые» дикие земли [25, р. 649]. География и антропология острова с его суровым климатом, богатейшей флорой и фауной, многие представители которых отсутствуют в Японии, с проживающими здесь коренными народами (айну, нивхи, ороки) также являлись важными маркерами отличительной идентичности Карафутто.

Для распространения идей и обсуждения проблем идентичности широко привлекались газеты (например, «*Карафутто нити-нити симбун*»), журналы (особенной откровенностью и критической направленностью отличался журнал «*Карафутто*»), кино, литература. Так, власти Японии к концу 1930-х гг. осознали огромный потенциал кинематографа как инструмента воздействия на умы граждан, в связи с чем производство фильмов получило ключевую роль в культурной политике, внедряемой во всех японских колониях. На Карафутто наилучшим примером является создание в 1941 г. полнометражного художественного фильма «Северные огни» («*Хоккоку ко:*»), снятого (частично) на острове при поддержке

Министерства по делам колоний и Карафуту-тё. Сюжет фильма разворачивается на фоне одного из самых прославленных подвигов в истории колонизации Карафуту — строительства железнодорожной линии Тоёхара — Маока, пересекающей гористую местность с востока на запад, проходящей по обрывистым горным склонам, через скальные туннели, парящей над захватывающими дух ущельями. Героический образ первопроходца, укрощающего дикие, но прекрасные просторы горных лесов, был призван сформировать чувство гордости за историю Карафуту и бросить вызов негативным стереотипам, препятствующим переселению в колонию.

На Карафуту, так же как на Тайване и в Корее, колониальные власти использовали популярные песни в качестве средства для формирования идентичности. Интересным примером является песня «*Карафуту ёитоко*» («Прекрасное место Карафуту!») и сопровождавший её танец, которые впервые были исполнены на празднике в центре Тоёхара летом 1936 г. Образцом для данной песни, восхваляющей природные красоты Карафуту, послужили более ранние колониальные произведения «*Тёсэн ёитоко*» и «*Тайвань ёитоко*». Аналогично им целью «*Карафуту ёитоко*» было представление благоприятного (даже если и экзотичного) образа колонии. По словам одного из местных чиновников, такие песни «обладают, как формы общественного резонанса, способностью выразить оттенки земли и характер происходящих перемен в самой простой, проникновенной и самой популярной манере» [цит. по: 24, р. 106]. В то же время ритм «*Карафуту Ёитоко*» и сопровождающий её танец, основанный на *Бон Одори*, связывают данное произведение с традициями *найти*. Хотя песня была с достаточным энтузиазмом воспринята местной аудиторией, вряд ли её можно назвать подлинно «народной». Она стала одной из числа местных «народных песен», созданных по заказу Карафуту-тё и записанных на студии звукозаписи «Коламбия» для распространения по всем общинам Карафуту.

В контексте обсуждения проблем идентичности и продвижения нарратива колонии нельзя не упомянуть о роли Музея Карафуту. Он начал свою деятельность в 1917 г. в одной из комнат Штаба военной полиции как выставка минералов, растений, животных и артефактов аборигенных народов. В 1934 г. выставка переехала в казармы на северной окраине Тоёхара, а в 1937 г. разместилась в прекрасном, специально построенном здании в восточной части *Дзиндзя Дори*. Его дизайн с вогнутыми скатами крытых черепицей крыш, поддерживаемых декорированными балками, и портиком с каменными фонарями задумывался таким образом, чтобы напоминать традиционную архитектуру японского замка. Внутри, в отдельных хорошо освещённых комнатах, разместились экспозиции растений, животных, минералов, метеорологии, местной промышленности, археологии, истории заселения и колонизации острова, культуры коренных народов. Кроме того, там имелся лекционный зал, библиотека и комнаты для исследователей. Директор Музея Карафуту Сугахара Эйджо так определил его миссию: «непрестанно осуществлять исследования и демонстрировать их плоды

в осязаемой форме обычным людям; во-вторых, служить как образовательное учреждение; в-третьих, использовать знания о природных ресурсах для их эксплуатации и возобновления» [цит. по: 24, р. 108]. С этой точки зрения целью музея было не только сохранение и демонстрация природных и культурных артефактов, но и стремление стать актором развития колонии и способствовать тому, чтобы её ресурсы использовались на благо как местного населения, так и всей нации. Директор и другие сотрудники музея сыграли ведущую роль в создании в 1938 г. Ассоциации исследователей Карафуто — добровольческого общества, призванного содействовать «рождению северной культуры» через такие виды деятельности, как проведение исследований и чтение публичных лекций по истории и культуре колонии.

Противоречивая по своей природе политика формирования местной идентичности, когда чувство принадлежности острову и гордость за его отличительные особенности могли развиваться только до той степени, которая не препятствовала чувству патриотизма и уважению к японскому наследию, породила определённую напряжённость в самоидентификации островитян. Исследователь из Австралии Т. Моррис-Судзуки, занимавшаяся изучением проблем идентичности населения Карафуто, отмечала: «Многие колонисты буквально „разрывались“ между образами „дома“, представленными в многочисленных учебниках, газетах, журналах и фильмах, — храмы Киото, храм Исэ, гора Фудзи, шумные улицы Нихонбаси; и „дома“, который они знали, — море, скованное льдом, гигантские растения, расцветающие в короткое лето, русский хлеб и изразцовые печи» [25, р. 650]. Ситуация усугублялась отсутствием прочных корней. Японская писательница Юдзурихара Масако (настоящее имя Фунабаси Киёно, 1911—1949) упоминала о том, что на юге острова нет больших кладбищ. «Раньше люди, переехавшие на Сахалин, думали, что, заработав необходимую для жизни сумму денег, покинут остров, вернутся в свои родные края... забрав временно хранящиеся в синтоистских храмах урны с прахом родственников. Поэтому писательница росла, совершенно не зная того чувства, с которым посещают могилы и зажигают костры *мукаэ-би*, приветствуя духов, умерших в праздник *урабон*» [4, с. 58—59]. Однако число рождённых на Карафуто детей росло, и они уже считали остров своей родиной — *кё:до*. Японский исследователь Накаяма Тайсё в своей работе приводит слова ученика одной из школ Карафуто: «Когда умер один из друзей моего отца, все, кто знали его, говорили, как жаль, что он приехал в такое место и тут умер. Но для тех из нас, кто родился на Карафуто, это не было местом, куда приезжали рабочие-мигранты, либо местом, куда людей „прибило течением“, это дом. Работать и умереть здесь у нас вызывает не жалость, а желание» [26, р. 37].

Анализ ряда аспектов, выделяющих губернаторство Карафуто среди других колоний Японской империи, позволяет сделать следующие выводы. Присутствие и хозяйственная деятельность японцев на юге Сахалина отмечаются задолго до того, как территория стала формальной колонией Страны восходящего солнца. Ещё до начала активной экспансионистской

политики Япония проявляла значительный интерес к расширению своих территориальных владений на север, и во многих смыслах освоение Сахалина выступало как продолжение проекта по развитию Хоккайдо. Именно Хоккайдо, а также такие северо-западные регионы, как Хокурику и Тохокку, стали основными «поставщиками» мигрантов на Карафуто, что позволяет по-новому оценить их вклад в общую миграционную картину Японской империи. Население Тохокку и Хокурику — отдалённых, экономически депрессивных районов с плохой транспортной инфраструктурой — считалось в Японии не склонным к риску, имевшим тесную связь с родными местами. Тем не менее оно продемонстрировало высокую миграционную подвижность, приняв активное участие не только в освоении Хоккайдо, но и в заселении Карафуто.

Темпы миграции на Карафуто с ежегодным демографическим приростом свыше 11 тыс. чел. являются одними из самых высоких в истории колониальных переселений и сравнимы с наиболее активным периодом экспансии европейцев на территорию Французского Алжира, где рост населения во второй половине XIX в. составил около 10,5 тыс. чел. в год. Поскольку расселение японцев происходило в условиях практически *tabula rasa*, этнодемографический профиль колонии был сходным с метрополией. Хотя административная и правовая система выстраивались на основе японской, Карафуто обладала более широкой автономией в политике своего развития, чем японские префектуры. Тем не менее высокая степень социальной и экономической интеграции с метрополией и текущие события Второй мировой войны способствовали включению Карафуто в 1943 г. в состав Японии на правах префектуры.

В своей переселенческой политике на Южном Сахалине правительство Японии делало ставку на крестьян как на прочный базис формирования постоянного населения колонии. Отчасти эти ожидания были оправданы: до середины 1930-х гг. фермеры составляли самую большую группу мигрантов на Карафуто (в 1934 г. их насчитывалось 48 тыс. чел. из 313 тыс. общего количества населения), но значительное число жителей было занято в промышленности, добыче полезных ископаемых (около 21 тыс. чел.), рыболовстве (около 16 тыс. чел.) или имели небольшой бизнес [24, р. 111]. Ни одно, даже самое успешное крестьянское хозяйство не ограничивалось только сельскохозяйственной деятельностью, широкую практику среди фермеров получило отходничество. Несмотря на сезонность промысла, отсутствие государственной поддержки и введение определённых ограничений на деятельность, большую роль в заселении колонии сыграли рыбацкие домохозяйства.

Экспансия Японии на Сахалин включала усилия властей переопределить колонию как часть метрополии, пограничный регион, имеющий важное значение в поддержании территориальной целостности империи. Отсюда возникают главные образы Карафуто — «суровый северный фронт», «замок на Северных воротах» и «передний край распространения

японской цивилизации». В то же время для закрепления переселенцев в колонии необходимо было привить им чувство принадлежности новой родине. Проводившаяся правительством Карафуто политика по формированию региональной идентичности имела двойственный и противоречивый характер из-за необходимости примирить лояльность «материнскому государству» и чувство привязанности к новому дому. Несмотря на короткую историю колонии, у многих её жителей, особенно рождённых и выросших на острове, сформировалась отчётливая местная идентичность, процесс разрушения которой после репатриации в Японию оказался трудным и болезненным.

За рамками нашего анализа остались многие важные аспекты социокультурной истории Карафуто, которые требуют дальнейшего изучения в общем контексте исследований японской колониальной системы. Пример Карафуто лишь небольшой, хотя весьма значимый и уникальный фрагмент большого «пазла» под названием «Японская империя», сложного пространства кросс-границных миграционных потоков, чьи траектории оказали огромное влияние на историю Восточной Азии в XX в. и продолжают оказывать в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бурькин А.Н. Политика японского правительства по формированию постоянного населения юга Сахалина (1905—1945 гг.) // Социология власти. 2010. № 6. С. 159—166.
2. Гришачев С.В. Японское губернаторство Карафуто (1905—1945): история и социальная память // Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 272—286.
3. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: Сахалинская обл. тип., 2015. 332 с.
4. Иконникова Е.А., Николаева А.С. Сахалин и Курильские острова в японской литературе XX—XXI вв. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2016. 123 с.
5. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времён до начала XXI столетия: учебное пособие / отв. ред. М.С. Высоков. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2008. 711 с.
6. Костанов А.И. Самая восточная дорога России: очерки истории Сахалинской железной дороги. М.: Транспорт, 1997. 220 с.
7. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 кн. Кн. 1. Иммиграция и депортация (вторая половина XIX в. — 1937 г.). Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2010. 262 с.
8. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 кн. Кн. 2. Интеграция и ассимиляция (1945—1990 гг.). Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2010. 336 с.
9. Ли Бен Дю. Южный Сахалин и Курильские острова в годы японского господства: дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. 177 с.
10. Лим С.Ч. История взаимоотношений айнов и японцев в период раннего феодализма в Японии (до XV в.) // Вестник Сахалинского музея. 2008. № 1 (15). С. 139—168.

11. Перепись населения Карафуту 1920 г. / авт.-сост. А.А. Бычкова, Я.Е. Габриков, Ю.И. Дин. Южно-Сахалинск: Сахалинская обл. тип., 2017. 490 с.
12. Подпечников В.Л. О репатриации японского населения с территории Южного Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. 2003. Вып. 10. С. 257—260.
13. Савельева Е.В. От войны к миру (гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах. 1945—1947 гг.). Южно-Сахалинск: Министерство культуры Сахалинской области, 2012. 112 с.
14. Самарин И.А. История поста Сирануси на мысе Крильон // Вестник Сахалинского музея. 2011. № 1 (18). С. 175—185.
15. Стефан Д. Сахалин. История. Оксфорд: Кларендон пресс, 1971 / пер. с англ. В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. 1992. № 1. С. 46—89.
16. Стефан Д. Сахалин. История. Оксфорд: Кларендон пресс, 1971 / пер. с англ. В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. 1992. № 3. С. 65—132.
17. Стефан Д. Сахалин. История. Оксфорд: Кларендон пресс, 1971 / пер. с англ. В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. 1992. № 4. С. 63—124.
18. Ясунори Арано. Была ли Япония изолирована? 15.06.2015. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c001043/> (дата обращения: 25.05.2020).
19. Amano Naoki. Sakhalin / Karafuto: the Colony between Empires // *Borders and Transborder Processes in Eurasia* / ed. by S.V. Sevastianov, P. Richardson, A.A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 119—132.
20. Burgos R. Constructing “the Lock on the Northern Gate of the Empire:” The Production of Place and Identity in Karafuto by the Karafuto-chō. URL: https://www.academia.edu/12285485/Constructing_the_Lock_on_the_Northern_Gate_of_the_Empire_The_Production_of_Place_and_Identity_in_Karafuto_by_the_Karafuto-ch%C5%8D (дата обращения: 11.02.2020).
21. Dobrovolskaia A. The Development of Jury Service in Japan: a Square Block in the Round Hole? New York: Routledge, 2016. 282 p.
22. Howell D.L. Capitalism From Within: Economy, Society and the State in a Japanese Fishery. Berkeley: University of California Press, 1995. 247 p.
23. Ivings S. Colonial Settlement and Migratory Labor in Karafuto 1905—1941 // A Thesis Submitted to the Department of Economic History of London School of Economic History and Political Science for the Degree of Doctor of Philosophy. August 29, 2014. 380 p.
24. Morris-Suzuki T. Colonialism and Migration: From the Landscapes of Toyohara // *Transnational Japan as History. Empire, Migration and Social Movements* / ed. by P. Iacobelli, D. Leary, Shinnosuke Takahashi. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 97—120.
25. Morris-Suzuki T. Northern Lights: The Making and Unmaking of Karafuto Identity // *The Journal of Asian Studies*. 2001. Vol. 60. Iss. 3. P. 645—671.
26. Nakayama Taisho. Japanese on Karafuto // *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin* / ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London: Routledge, 2015. P. 19—41.
27. Saveliev I.R. Border, Borderlands and Migration in Sakhalin and Priamur Region. A Comparative Study // *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin* / ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London: Routledge, 2015. P. 42—62.
28. Shiode Hiroyuki. Nation or Colony? The Political Belonging of the Japanese in Karafuto // *Social Science Japan Journal*. 2009. Vol. 12. No. 1. P. 101—119.
29. *The Japanese Colonial Empire, 1895—1945* / ed. by R.H. Myers, M.R. Peattie. New Jersey: Princeton University Press, 1984. 560 p.
30. *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin* / ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London: Routledge, 2015. 262 p.

REFERENCES

1. Burykin A.N. Politika yaponskogo pravitel'stva po formirovaniyu postoyannogo naseleniya yuga Sakhalina (1905—1945 gg.) [The Policy of the Japanese Government on Forming Permanent Population in the South of Sakhalin (1905—1945)]. *Sotsiologiya vlasti*, 2010, no. 6, pp. 159—166. (In Russ.)
2. Grishachev S.V. Yaponskoe gubernatorstvo Karafuto (1905—1945): istoriya i sotsial'naya pamyat' [Japan's Governorate Karafuto (1905—1945): History and Social Memory]. *Ezhegodnik Yaponiya*, 2019, vol. 48, pp. 272—286. (In Russ.)
3. Din Yu.I. *Koreyskaya diaspora Sakhalina: problema repatriatsii i integratsiya v sovetskoe i rossiyskoe obshchestvo* [The Korean Diaspora of Sakhalin: The Problem of Repatriation and Integration into Soviet and Russian Society]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2015, 332 p. (In Russ.)
4. Ikonnikova E.A., Nikolaeva A.S. *Sakhalin i Kuril'skie ostrova v yaponskoy literature XX—XXI vv.* [Sakhalin and the Kuril Islands in the Japanese Literature in the 20th — 21st Centuries]. Yuzhno-Sakhalinsk, SakhGU Publ., 2016, 123 p. (In Russ.)
5. *Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov s drevneyshikh vremen do nachala XXI stoletiya: uchebnoe posobie* [The History of Sakhalin and the Kuril Islands from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century: Textbook]. Executive ed. M.S. Vysokov. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2008, 711 p. (In Russ.)
6. Kostanov A.I. *Samaya vostochnaya doroga Rossii: ocherki istorii Sakhalinskoy zheleznoy dorogi* [The Most Eastern Road in Russia: Essays on the History of the Sakhalin Railway]. Moscow, Transport Publ., 1997, 220 p. (In Russ.)
7. Kuzin A.T. *Istoricheskie sud'by sakhalinskikh koreytssev. V 3 kn. Kn. 1. Immigratsiya i deportatsiya (vtoraya polovina XIX v. — 1937 g.)* [Historical Destinies of the Sakhalin Koreans. In Three Books. The First Book. Immigration and Deportation (the Second Half of the 19th Century — 1937)]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2010, 262 p. (In Russ.)
8. Kuzin A.T. *Istoricheskie sud'by sakhalinskikh koreytssev. V 3 kn. Kn. 2. Integratsiya i assimilyatsiya (1945—1990 gg.)* [Historical Destinies of the Sakhalin Koreans. In Three Books. The Second Book. Integration and Assimilation (1945—1990)]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2010, 336 p. (In Russ.)
9. Li Ben Dyu. *Yuzhnyy Sakhalin i Kuril'skie ostrova v gody yaponskogo gospodstva: dis. ... kand. ist. nauk* [South Sakhalin and the Kuril Islands during the Rule of Japan: PhD in hist. sci. diss.]. Moscow, 1976, 177 p. (In Russ.)
10. Lim S.Ch. *Istoriya vzaimootnosheniy aynov i yapontsev v period rannego feodalizma v Yaponii (do XV v.)* [The History of the Relationship between the Ainu and the Japanese during Early Feudalism in Japan (Until the 15th Century)]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*, 2008, no. 1 (15), pp. 139—168. (In Russ.)
11. *Perepis' naseleniya Karafuto 1920 g.* [Population Census of Karafuto in 1920]. Comp. by A.A. Bychkova, Ya.E. Gabrikov, Yu.I. Din. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2017, 490 p. (In Russ.)
12. Podpechnikov V.L. *O repatriatsii yaponskogo naseleniya s territorii Yuzhnogo Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov* [Repatriation of the Japanese Population from the Territory of South Sakhalin and the Kuril Islands]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*, 2003, iss. 10, pp. 257—260. (In Russ.)
13. Savel'eva E.V. *Ot voyny k miru (grazhdanskoe upravlenie na Yuzhnom Sakhaline i Kuril'skikh ostrovakh. 1945—1947 gg.)* [From War to Peace (Civil Administration in South Sakhalin and the Kuril Islands. 1945—1947)]. Yuzhno-Sakhalinsk, Ministerstvo kul'tury Sakhalinskoy oblasti Publ., 2012, 112 p. (In Russ.)

14. Samarin I.A. Istoriya posta Siranusi na myse Kril'on [The History of Siranusi at Cape Crillon]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*, 2011, no. 1 (18), pp. 175—185. (In Russ.)
15. Stefan D. Sakhalin. Istoriya [Sakhalin. History]. Oxford, Klarendon Press Publ., 1971. Translated from English by V.V. Pereslavl'tsev. *Kraevedcheskiy byulleten'*, 1992, no. 1, pp. 46—89. (In Russ.)
16. Stefan D. Sakhalin. Istoriya [Sakhalin. History]. Oxford, Klarendon Press Publ., 1971. Translated from English by V.V. Pereslavl'tsev. *Kraevedcheskiy byulleten'*, 1992, no. 3, pp. 65—132. (In Russ.)
17. Stefan D. Sakhalin. Istoriya [Sakhalin. History]. Oxford, Klarendon Press Publ., 1971. Translated from English by V.V. Pereslavl'tsev. *Kraevedcheskiy byulleten'*, 1992, no. 4, pp. 63—124. (In Russ.)
18. Yasunori Arano. *Byla li Yaponiya izolirovana?* [Exploding the Myth of National Seclusion]. June 15, 2015. Available at: <https://www.nippon.com/ru/features/c001043/> (accessed 25.05.2020). (In Russ.)
19. Amano Naoki. Sakhalin / Karafuto: the Colony between Empires. *Borders and Transborder Processes in Eurasia*. Ed. by S.V. Sevastianov, P. Richardson, A.A. Kireev. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2013, pp. 119—132. (In Eng.)
20. Burgos R. *Constructing "the Lock on the Northern Gate of the Empire:" The Production of Place and Identity in Karafuto by the Karafuto-chō*. Available at: https://www.academia.edu/12285485/Constructing_the_Lock_on_the_Northern_Gate_of_the_Empire_The_Production_of_Place_and_Identity_in_Karafuto_by_the_Karafuto-ch%C5%8D (accessed 11.02.2020). (In Eng.)
21. Dobrovolskaia A. *The Development of Jury Service in Japan: a Square Block in the Round Hole?* New York, Routledge Publ., 2016, 282 p. (In Eng.)
22. Howell D.L. *Capitalism From Within: Economy, Society and the State in a Japanese Fishery*. Berkeley, University of California Press Publ., 1995, 247 p. (In Eng.)
23. Ivings S. Colonial Settlement and Migratory Labor in Karafuto 1905—1941. *A Thesis Submitted to the Department of Economic History of London School of Economic History and Political Science for the Degree of Doctor of Philosophy*. August 29, 2014, 380 p. (In Eng.)
24. Morris-Suzuki T. Colonialism and Migration: From the Landscapes of Toyohara. *Transnational Japan as History. Empire, Migration and Social Movements*. Ed. by P. Iacobelli, D. Leary, Shinnosuke Takahashi. London, Palgrave Macmillan Publ., 2016, pp. 97—120. (In Eng.)
25. Morris-Suzuki T. Northern Lights: The Making and Unmaking of Karafuto Identity. *The Journal of Asian Studies*, 2001, vol. 60, no. 3, pp. 645—671. (In Eng.)
26. Nakayama Taisho. Japanese on Karafuto. *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin*. Ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London, Routledge Publ., 2015, pp. 19—41. (In Eng.)
27. Saveliev I.R. Border, Borderlands and Migration in Sakhalin and Priamur Region. A Comparative Study. *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin*. Ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London, Routledge Publ., 2015, pp. 42—62. (In Eng.)
28. Shiode Hiroyuki. Nation or Colony? The Political Belonging of the Japanese in Karafuto. *Social Science Japan Journal*, 2009, vol. 12, no. 1, pp. 101—119. (In Eng.)
29. *The Japanese colonial empire, 1895—1945*. Ed. by R.H. Myers, M.R. Peattie. New Jersey, Princeton University Press Publ., 1984, 560 p. (In Eng.)
30. *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin*. Ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London, Routledge Publ., 2015, 262 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 06.12.2020